Труд. - 1995. - 30 марта. - с. 5.

ЖИВАЯ ПАШНЯ

Слово Федора Абрамова и ныне дает всходы

Горели, потрескивая, свечи, священник пел об упокоении души, и казалось, будто сам писатель присутствует среди собравшихся. Так панихидой в кафедральном Свято-Ильинском соборе Архангельска начались торжества, посвященные 75-летию со дня рождения Федора Александровича Абрамова, чье имя дорого миллионам читателей.

Двенадцать лет назад он ушел из жизни, а творчество его продолжает волновать нас. Здесь, в соборе, невольно вспомнилась исповедальная запись из его дневника: «От слова к пустословию — не путь ли это человечества? Не этим ли измеряется вся история человечества? Вначале же слово — сказано в Библии. А сегодня что? Пустословие».

Сам он неустанно, до последнего дыхания шел к Слово! Ныне Абрамов актуален как никогда. И в первую очередь нравственными и духовными заветами, оставленными им каждому из нас.

Крылья любви и милосердия

Обжигающую правду, красоту, величие народных характеров несут произведения писателя. Трудно живут его герои, порой тяжко, трагично. Но они не скудеют душевным теплом и светом, и в том их притягательность. «Мудрость так называемых простых людей более великая, чем мудрость так называемых великих. Ибо эти простые люди освобождены от тщеславия, творят жизнь и добро, не рассчитывая на бессмертие, на славу, на вознаграждение. Тогда как так называемые великие часто утверждают лишь себя... Истинно великие люди — простые, безымянные», — размышлял в записной книжке Федор Александрович.

Служению этим «великим людям» и посвятил он свою жизнь, как и деревне, которую справедливо считал лоном, где зарождался и складывался наш национальный характер. С этой точки зрения эпическое полотно «Братья и сестры» из четырех романов можно сравнить с произведениями Льва Толстого и Михаила Шолохова. В жизни села Пекашино, в судьбах его жителей, прослежены писателем почти на протяжении полувека, отражена вся Россия, стихия ее народной жизни с глубинами и отменами, счастьем и трагизмом. Вспомним семью Пряслиных, Степана Ставрова, Анфису, Лукашина и других персонажей. Сколько самопожертвования, любви, сострадания, милосердия в каждом! Да, живая душа — это поистине океан безбрежный.

Мало кому из наших художников слова удалось столь ярко, образно и достоверно рассказать о том, как ковали Победу в тылу, что сделал наш народ для разгрома фашизма. «Баба сила, не ученная никакими стратегами, поднялась из недр России. И это был второй фронт». Подростки, женщины, старики, недоходя и недосягая, выбиваясь из сил, ломали в поле и на лесосеке — «все для фронта». Изматывающее, нечеловеческое напряжение они ощутили по-настоящему лишь тогда, когда пришла Победа, когда собрались, поредевшие, за скромным столом. Эта сцена — одна из самых потрясающих в тетралогии. Будем же всегда помнить о цене, заплаченной народом за Победу.

Ну а куда пошла деревня после войны? Проблемы, поставленные писателем в романе «Дом», и теперь не сняты с повестки. Умудренный годами Михаил Пряслин с горечью раздумывает: «Всю жизнь, сколько он себя помнит, войной шли на корову колхозника. Налогам душили — отдай задарма триста пятьдесят литров молока, — покосов не давали, контрабандой по ночам траву таскали. Частная собственность! Зараза и отравы... нет, извините, только дураки с портфелями так думают».

Помимо конкретного содержания, романы объединяет глубоко нравственная идея: люди на земле, независимо от национальности, убеждений, предрассудков, — братья и сестры, всякий имеет одинаковое право на жизнь, труд, счастье. Гуманизм Абрамова в том, что задолго до «официальной демократии» он ставил общечеловеческие ценности над сиюминутными и «классовыми». Как завет воспринимаются слова Анфисы, пришедшие ей на ум в минуту отчаяния: «...ну почему, почему мы сами-то себя топчем, поедом едим? Почему мы сами-то не даем друг другу жить?»

Будем же братьями и сестрами в делах и поступках!

«Самое страшное сегодня — безверие. Никто не верит ни в себя, ни в соседа. Все: человек ничего не может, человек беспомощен что-либо изменить и сделать. Вот до чего замордовали людей! Против этой философии, обрекающей человека на пассивность (к великой радости чиновников), надо бороться. И это первостепенная задача литературы. Задача номер один», — записал Абрамов в дневнике за два года до «официальной перестройки».

Всем предшествующим творчеством он эту задачу выполнял.

Изгнание страха

Культивирование, разлагающее влияние его на человека, порабощение личности страхом, живучесть страха в душах — этот «проклятый круг» волновал Абрамова. Против культа любой личности он выступал еще в первых литератур-

но-критических статьях. В «Братьях и сестрах» развенчание сталинизма достигло немалой силы обобщения. Чего стоит Евдокия Великомученица! А поломанные жизни некоторых пекашинцев? За ними видны миллионы и миллионы... И говорилось об этом более 30 лет назад. А мы порой сетуем — нет пророка в Отечестве. Есть, есть пророки! И одним из них был и остается Федор Александрович Абрамов.

Художник тонкий, самобытный, идущий от народного слова, он сознательно избегал от страха — «наука» архисложная. В 1969 году в рассказе «Старухи» он приоткрыл жизнь четырех деревенских бабuleк, которые всегда «рвали из себя жилы — в колхозе, в лесу, на сплаве, сытыми бывали — по пальцам сосчитаешь года, а старость подошла, что отвалили им, во что оценили их нечеловеческий труд?»

Оценили в гроши! Но от намерения писателя вмешаться в их судьбу они отказались, побоялись связываться с властями. Возможно, потому, что в простенке, возле божицы, висел портрет Сталина. «Я остался в избе один. Вернее, вдвоем с Ним. Давно, давно не верю во всякую чертовщину, но, честное слово, в эту минуту мне показалось, что Он своим прищуренным глазом внимательно смотрит на меня. Смотрит и самодовольно улыбается: «Надо знать своих земляков, товарищ писатель»...

Ну что я мог возразить на это? Увы, страх перед «улыбающимися вождями», даже почившими, сидел не только в пинежских старушках, но и витал в высоких московских кабинетах, в умах писателей и поэтов, не говоря уже о представителях власти. Поэтому рассказ нигде не печатали. В рукописном варианте он ходил по рукам, вызывая восторги. Сам писатель опасался, как бы вездесущий КГБ не нагрязнул к нему с обыском...

Единственное лекарство от страха — распрямиться в полный рост и быть Человеком.

К этому и зовут талантливые произведения Абрамова.

«Да что же такое эта Россия?»

Невольно вырвалась эта фраза у писателя, ибо он мучительно сознавал «невыделанность русского характера». Осмысливая происходящее с людьми и страной, искивая первопричины, Федор Александрович все больше различал «свет и тени» в столь любимых им «великих простых». С одной стороны — бесконечная самоотверженность, обостренная русская совесть, чувство долга, способность к самоограничению и состраданию, любовь к труду, к земле, а с другой — пьянство, безверие, лень, эгоистичность, жадность, убийственное безразличие к происходящему вокруг. Едва ли не первым в русской литературе второй половины XX века он заговорил о неоднородности состава народа.

Характер сам по себе, пусть и сотканный из противоположностей, не несет столько бед и страданий, что выпали на долю народа России. Где их причины? Беспорядочный, напряженный поиск, горы прочитанного, бессонные ночи... В ноябре 1969 года запись в дневнике: «...главная беда России — труд никогда не был обеспечен, то есть человек не был хозяином своего труда... правового устройства никогда не было...»

Как созвучно это точное наблюдение сегодняшней ситуации! Мысль о том, что русский человек не хозяин своего труда, а в итоге — и земли, подкреплена в ряде рассказов, в очерках «Пашня живая и мертвая», «На ниве духовной», «Чем живем-кормимся». Особо выражено сострадание писателя мужику-крестьянину в художественном очерке «Вокруг да около», который «подрылся устои» и за что власти негласно предали Абрамова «анафеме». Но и это не могло оторвать его от письменного стола.

Изображая национальный характер, в повестях «Алька», «Деревянные кони», «Пелагея» и других писатель старался избежать крайностей: славословия в адрес народа или очернения его. В центр читательского внимания со всей художественной силой поставлены духовно-нравственные проблемы. Персонажи поступками, делами и словами как бы предупреждают: духовные потери чреват

более страшными последствиями, чем, скажем, разрушение природы. Ведь рядовой человек не только «жертва существующего режима», подчеркивал художник, «но и опора его. Именно в этом вся сложность».

«Переобследованию не подлежит...»

«За тяжелую работу надо брать с улыбкой!» — любил повторять писатель. Вся его жизнь, все сделанное в литературе — та самая тяжелая работа. Откуда же вера, оптимизм, неукротимость? Достаточно хоть раз побывать в Верколе — таежном селе на берегу Пинеги, и многое станет понятно. Неоглядные северные просторы, удивительные люди, певучая речь земляков, родная почва подпитывали душу писателя. Была, конечно, и глубинная связь с культурой народа. На конференции в Архангельске, посвященной юбилею, историк Евгений Овсянкин впервые обнародовал исследования родословной Федора Абрамова.

Дед писателя по отцовской линии, «земледелец-хозяин» Степан Кириллович Абрамов, был старовером. Можно предположить, что тех же взглядов придерживался и его сын Александр, отец будущего писателя. Степанида Павловна, мать писателя, тоже происходила из семьи староверов Заварзиных. Да и в целом Веркола, в состав которой входили 18 окрестных деревень, судя по многому, была староверческим поселением. Пинежане хранили высокую народную культуру, с ней Абрамов знакомился с детства, впитывая традиции и нравы. К тому же здесь было сильным и влияние православия. Иоанн Кронштадтский, поводырь земли русской, — выходец из села Сура, что неподалеку от Верколы. Уже будучи известным, писатель собирал материал о Чудотворце. Большое влияние на духовный мир юного Абрамова оказал учитель Карпогорской школы Алексей Калинин, настоящий подвижник. Как рассказывала жена писателя Людмила Крутикова-Абрамова, в детстве Федор Александрович, по его признанию, хотел быть похожим на Артемия Праведного-Веркольского.

С родным селом, где на берегу Пинеги возле отчего дома покоится прах писателя, связано большинство его произведений. Отродно, что здесь создан мемориальный музей, идет возрождение Веркольского монастыря. Давно ставится вопрос о том, чтобы Верколу отнести к историческим заповедникам.

В Абрамове привлекает и его человеческий подвиг во имя жизни. Родная сестра писателя Мария Александровна рассказывала мне, как ее брат трижды уходил от смерти. Когда появился на свет в голодное время, родственники говорили матери: «Хоть бы этот помер...» «Нет, — ответила, — жить родился!» Мальчишкой Федор едва не утонул в Пинеге. А в третий раз «гостя с косою» пришла к нему на фронте: раненный в ногу, потеряв много крови, без сознания лежал среди мертвых. Санитар из похоронной команды запылил о чью-то фляжку, вода брызнула на лицо Федора, он застонал. Так и был спасен.

Запись из дневника, март 1982 года:

«Федор Абрамов — инвалид Отечественной войны! Да, сегодня с утра прошел ВТЭК и без всяких-всяких — справку в зубы. «Бессрочно» и «Переобследованию не подлежит»...

Меня, между прочим, спросили: — Почему вы раньше инвалидность не оформляли?

— По моральным соображениям. Нехорошо называться инвалидом (одним и тем же именем), когда у тебя обе ноги. А у других — протезы».

Золотое слово

На книжных прилавках нет произведений Абрамова. Изданные ранее раскупили, а новых издатели не приготовили. Да, очевидно за настоящую русскую литературу! И все же Людмила Крутикова-Абрамова собственными усилиями приготовила подарок любимому Федору Александровичу и его почитателям. В ТОО «Журнал Нева» в Санкт-Петербурге издала тысячным (!) тиражом книгу «Так что же нам делать?» — из записных книжек, писем, размышлений. «Я называю ее «Золотое слово Абрамова», — подделалась она на встрече в Архангельске. — Сердце его распахнуто...»

Да, книжка эта потрясает и масштабом личности писателя, и откровениями, и пророчествами. Вот одно из них: «Социальная перестройка жизни, не подкрепленная душевной работой каждого, не может дать должных результатов». Не о нас ли, сегодняшних, сказано?

Геннадий САЗОНОВ, спец. корр. «Труда». АРХАНГЕЛЬСК — ВОЛОГДА.